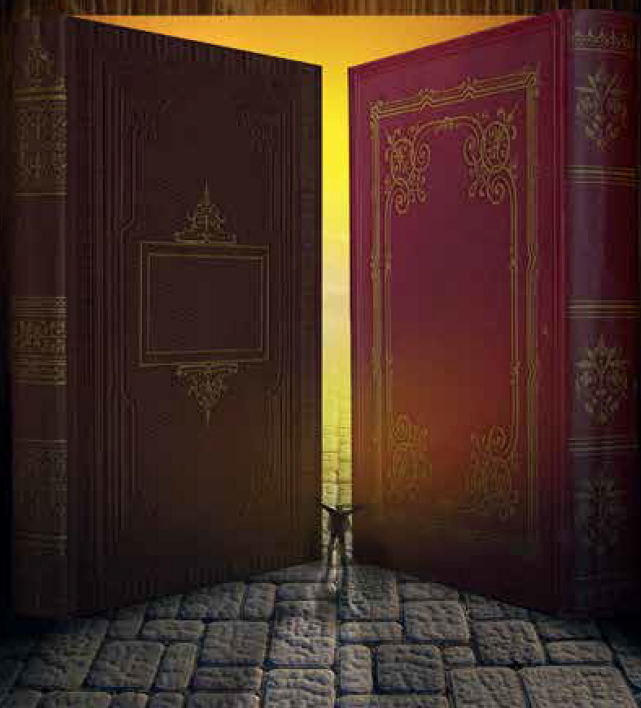

Протоиерей Андрей Ткачев

СИЛА КНИГИ

Андрей Ткачев

Сила книги

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53620550

Сила книги:

ISBN 978-5-7533-1317-1

Аннотация

«...Всякий из нас, читая книгу, общается с автором, прикасается душой к душе и участвует в таинстве общения сердца с сердцем». В этих словах – суть новой работы известного писателя-миссионера протоиерея Андрея Ткачева. Из любви к слову, утверждает автор (и с этим нельзя не согласиться), вырастают человеческие привязанности, нередко приводящие человека к делу всей его жизни. Хорошая книга – сокровищница знаний, учитель и друг, духовный наставник. Обязанность каждого из нас – читать, размышлять о прочитанном, прививать эту насущную потребность детям.

Для массового читателя.

Содержание

Следом за героем	4
Своя мера	7
Проект «Робинзон»	10
Троянский конь литературы	12
Чтобы не затеряться в джунглях	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Протоиерей Андрей Ткачев

Сила книги

Следом за героем

ОДИН мне знакомый человек в пору нежной и восприимчивой юности прочел трилогию Теодора Драйзера. Ту самую, где есть «финансисты», «титаны» и «стоики». Внимательно прочел. Умилился размаху, позавидовал глубине страстей и способам их удовлетворения. Сложностям устра-

шился, но и смелости преодоления сложностей позавидовал. Возжелал, конечно, последовать примеру идеально выведенного на страницы неидеального персонажа – и стал со временем бизнесменом. Книга, так сказать, воплотилась в читателе. Он – не подумайте – не только Драйзера читал. Он многое читал и ограниченным в познаниях не был. Но Драйзерова трилогия – бац! – и сделала с его сердцем то, что сделал сыр с Лисой у Ивана Андреевича Крылова:

Вдруг сырный дух Лису остановил:
Лисица видит сыр, —
Лисицу сыр пленил...

Пленилось сердце. Остановилось прежнее течение жизни. И однажды плененное «сырным духом» сердце будет, пожалуй, всю жизнь искать воплощения своих грез поры первой любви. И найдет что-то, и разочаруется в чем-то, и утешится чем-то (не без того). Но это будет движение поезда вслед за локомотивом, паровозиком даже, где роль поезда сыграет жизнь, а роль паровозика – в юности прочитанная с любовью большая книга.

Другой известный мне человек прочел Федора Михайловича Достоевского. Раньше, чем Драйзера. (Тут ведь важно, что раньше прочтешь.) И не всего Достоевского он прочел, а только «Братьев Карамазовых». Да и не все его там увлекло. Но мушкетерский точечный укол в сердце произвела глава о русском иноке в первой части романа. И то, что нужно

пострадать; и то, что нужно всю тварь благословить, к любви через покаяние прийти; и то, что из тишины и безвестности придут всенародные помощники, как и раньше приходили... В общем и целом эта глава заставила его плакать, бегать по друзьям с открытым фолиантом, убеждать, ссориться и спорить. Из друзей одни вступали в спор, другие смеялись, третьи попросту не открывали двери. Но да пусть их, друзей. Дело не в них, а в том, что одна глава из одного романа привела (непредсказуемо, как говорят – совершенно случайно) мирского молодого человека со временем в монастырь. Потому что если есть такое явление как русский инок и если в нем могут быть разрешены все вопросы русской и мировой истории, то нужно быть не до конца честным человеком, чтобы плакать над романом, а жизнь не менять. Честный человек, если уж что, обязан жениться. И если уж заплакал над строчками, через око в душу заползшими и там разлившими свет, то надо делать что-то. Даже этим самым русским иноком становиться надо. А как иначе?

Своя мера

ИНАЧЕ никак. И так или иначе человека делают книги. Или их отсутствие. Человек лепится буквами и страницами, как лепится глина руками гончара. Вернее, не буквами и страницами, а смыслами, которые в них живут и через них дышат. Есть и другие пути. Есть Авраам, говоривший с Богом и не читавший книг, потому что ему не была подарена письменность. Есть Антоний Великий, спросивший философов: «Что раньше – книги или ум?» – «Ум, – отвечали философы. – Ведь из ума – книги». – «Следовательно, – сказал Антоний, – очистившему ум не нужны пергаменты». Философы умолкли, умолкнем на время и мы.

Помолчав, продолжим. Антоний был прав. Дело только в мере человеческой. Один – глубокий колодец, каков Антоний. О нем будут писать книги, и он станет причиной появления обширной литературы. Но много ли таких, как Антоний? Опять помолчим. Таковых единицы в истории, не только в эпохе. Нельзя норму великих вменять в обязанность малым. Малые под нормой великих согнутся и переломятся, отчаются и взбунтуются. Не только святости не достигнут, но и элементарной человечности рискнут лишиться. Малым нужна книга. Хорошая. Правильная. И не одна. Пусть Авраам книг не читал. Зато Моисей при дворе фараона уже читал, и ни одна из них не была Божественного происхожде-

ния. А потом и писал, и диктовал, и заповедовал не отпускать книгу закона от очей во все дни. Потому что у всех разная мера. И если вы соберетесь в театр (только проверенный, ибо там всякое бывает), а вам с упреком скажут, что святой Серафим или святой Сергий в театр не ходили, то будьте спокойны. Отвечайте, что вы со святыми себя не меряете; что отцы в пустынях ели твердую пищу, а мы в городах едва молочную перевариваем. Говорите, что мы еще не в гору идем, а едва на ногах стоять учимся. Нам разжиженная эстетикой нравственная пища куда полезнее неподъемной подчас аскетики. На время, конечно. Не навсегда. Такова же и литература.

ΓΕ
Ο ΑΙ
Ο Ε

ΑΝ

ΤΩ
ΝΙ
Ο Ε

ΙΑ ΟΝ Ε ΓΩ
ΤΑΣ ΠΑΓΙ
ΑΔΕ ΤΑ ΙΑ

Проект «Робинзон»

ОНА, литература, целые страны рождает. Вот что такое, к примеру, США, как не воплощение «Робинзона Крузо»? Человек, далекий от святости и одержимый жаждой заработка, попадает на безлюдный остров. Мучится, плачет, потом смиряется. Осознает все произошедшее как действие Промысла. Начинает обживать. На помощь ему – целый сундук инструментов из старой жизни. Там и топор, и винтовка, и сухой порох, и даже зерна для посадки. Цивилизация Робинзона, как капля семени, высадилась на острове в лице его одного. И он пошел засеки рубить, землю копать, семена сеять, одежду шить, дичь стрелять... Библию читать. До этого он набожен не был, а на острове по неизбежности стал. У протестантов монашества нет, так Робинзон стал невольным анахоретом. А там и проповедником. В христианской истории именно монахи и были самыми успешными проповедниками и «культуртрегерами». Таков по необходимости и протестант Робинзон. Он сам кается, молится и читает Писание, а потом и находит местную паству в лице Пятницы.

Вроде бы невинная фантазия. Однако как велика сила идеи! Разве белые колонисты, пересекшие Атлантику на корабле «Мейфлауер», не везли с собой в новую землю всю свою цивилизацию? Везли. Эта цивилизация была материализована и в Библии, и в орудиях труда, и в представлении

ях о жизни, которые вместе с людьми (в их головах и сундуках) пересекали Атлантику. А разве беглецы и переселенцы не чувствовали себя новыми людьми на новой земле, как некий новый коллективный Адам или новый Израиль? Чувствовали. Они и обнуляли историю, сознательно делали все, чтобы начать ее заново. А разве местные индейцы не были в их глазах дикарями на манер Пятницы или филистимлян, которых нужно либо привести к христианской вере, либо уничтожить? Были. Именно по такому мысленному стандарту и развивалась колонизация Новой Англии. И это во все не значит, что книгу Дефо колонисты считали за бизнес-план. Это значит, что литература предугадывает шаги всемирной истории, пробивает в умных чашах мысленный путь прежде того, как по этому пути пойдут ноги странников или поплывут корабли искателей приключений и (или) религиозной свободы.

Троянский конь литературы

Чтобы не затеряться в джунглях

В ПОДРОСТКОВОМ возрасте нужно читать о путешествиях, пиратах, приключениях. Фенимор Купер, Жюль

Верн, Роберт Стивенсон... Какая-то невосполнимая потеря угадывается там, где подросток не зачитывается за полночь, не мечтает над книгой, не представляет себя одним из ее героев. Потом, когда его обожжет изнутри неукротимо просыпающаяся сила пола, когда он начнет томиться и грустить, ему может не удастся взять в руки томик поэзии или серьезную книгу о той жизни, где не так много приключений, зато много слез и ошибок. А как же не сойти с ума в период созревания без умного шепота хорошей книги? И в зрелом возрасте, не привыкший читать, он не потянется к философии, к религии, к истории. Он просто останется недоразвитым. И только потому, что у него нет навыка того молчаливого собеседования с автором, спрятавшимся в буквах, – навыка, именуемого чтением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.